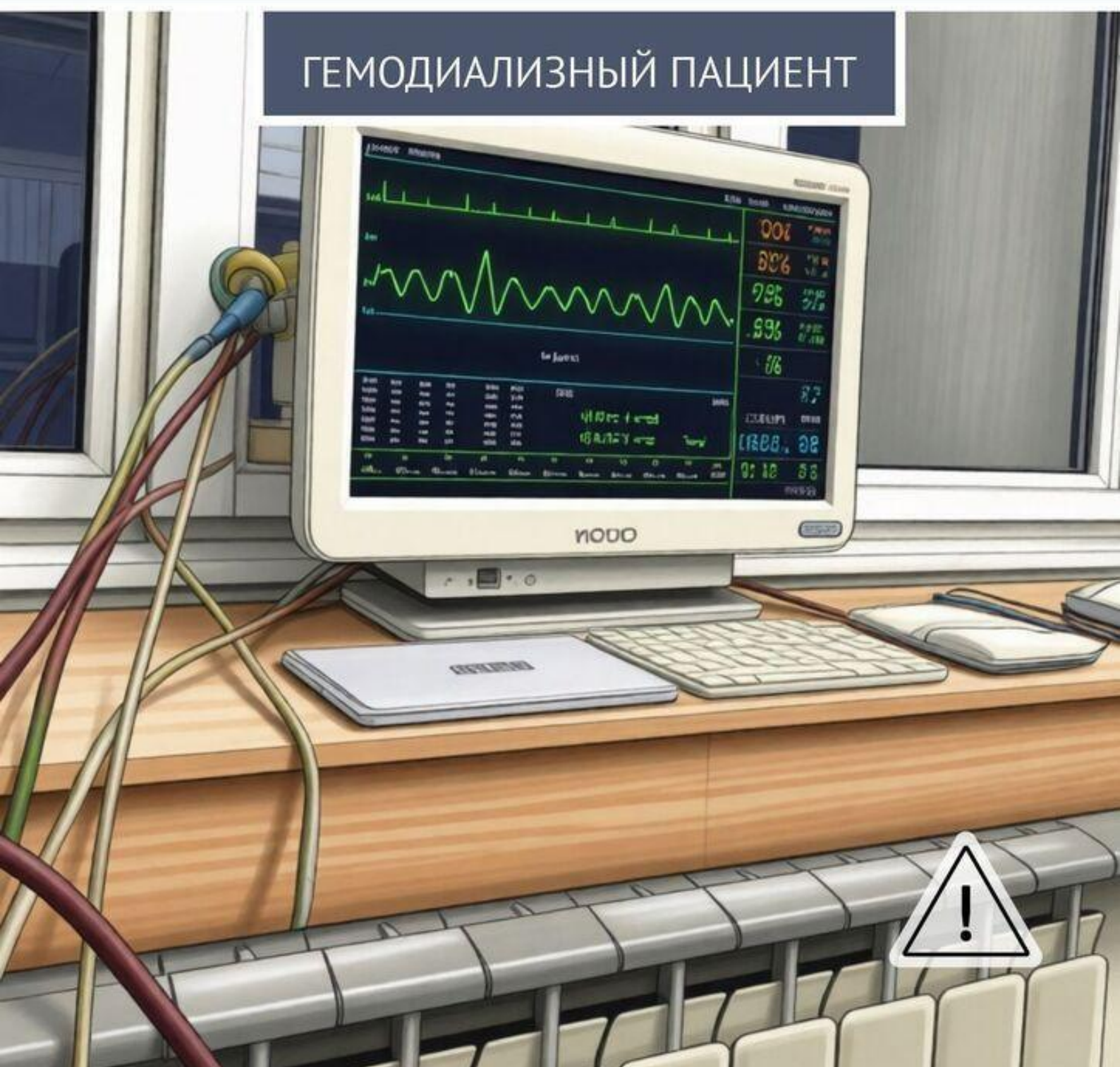

18+

ВИТАЛИЙ КОВРИГИН

Жизнь — это борьба! Инфаркт бьет больно

ГЕМОДИАЛИЗНЫЙ ПАЦИЕНТ

Виталий Ковригин

Жизнь — это борьба!
Инфаркт бьет больно.
Гемодиализный пациент

«Издательские решения»

Ковригин В.

Жизнь — это борьба! Инфаркт бьет больно. Гемодиализный пациент / В. Ковригин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Два инфаркта. Одиннадцать лет на гемодиализе. Четверо детей. Виталию было 29, когда врачи сказали: «Почки больше не работают». В 38 — инфаркт ударил второй раз. Между этими датами — сотни тысяч километров дороги до диализа, потерянные колени, операции, и чудо Питера, где ему поставили стенты, когда дома отказались. Эта книга — не исповедь больного. Это манифест живого. Здесь нет жалости. Есть честный разговор о том, как не умереть, когда всё против тебя. Как остаться отцом, мужем, человеком.

© Ковригин В.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Второе рождение в ночь перед праздником	8
Сто километров туда, сто обратно. Первый год	9
Кости, которые дико болели	11
Мой четвертый ребенок и моя война с минздравом	13
ПТГ возвращается. Операция, которая не помогла	14
Гостевой диализ и жизнь на два дома	15
Уголь в груди. Январское утро 2022 года	16
Месяцы боли и один лифт в реанимацию	17
Реанимация. Духота, марля и чай с манной кашей	18
УЗИ, сосед по палате и старые аппараты	19
Азамат, телефон и расписка на свой страх и риск	20
Вентилятор, скорая без маячков и 100 км жары	21
Бритьё, храп соседа и прокол артерии	24
Вердикт. Проколота фистула	25
Утро. И копчёная колбаса на тумбочке	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Жизнь — это борьба! Инфаркт бьет больно Гемодиализный пациент

Виталий Ковригин

© Виталий Ковригин, 2026

ISBN 978-5-0070-1032-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Посвящается моей семье...

Здравствуй, дорогой друг!

Давай знакомиться. Меня зовут Виталий.

Я пишу эту книгу, сидя за компьютером. На улице — весна 2026 года. Мне ровно 40 лет.

Из них 11 лет я нахожусь на программном гемодиализе. За это время пережил два инфаркта. И успел написать книгу про гемодиализ в 2022 году.

И ещё кое-что, о чём я не сказал сразу. Я — многодетный отец. У меня четверо детей.

Именно они — главная причина, почему я до сих пор здесь, за этим компьютером, пишу эти строки.

Зачем я пишу эту книгу? Зачем мне это, если я уже выпускал одну?

А вот зачем.

Я хочу помочь тем, кто сейчас в трудной ситуации. Тем, кто лежит на больничной койке и боится пошевелиться. Тем, кто впервые пришёл на диализ и думает, что жизнь кончилась. Тем, кто потерял надежду. Тем кто пережил инфаркт в раннем возрасте. Тем у кого хроническое заболевание и страшная депрессия.

Я расскажу тебе свою историю. Без страха и сомнения. Только честно и правдиво.

Второе рождение в ночь перед праздником

2016 год. Мне 29 лет. У меня жена, двое детей. Только что куплен новый дом. Стабильная работа. Деловые встречи. Новая машина. Жизнь только начиналась. Всё было как у нормального молодого отца семейства. Младшей дочке исполняется 3 года. Для неё я уже купил подарок — новенький, четырёхколёсный велосипед. Должен был вручить утром, за праздничным столом. Но случилось иначе. В тот день я был госпитализирован в районную больницу, а в ночь перед её днём рождения меня на скорой с включёнными проблесковыми маячками и сиреной экстренно везут в областную больницу. Прямоком в реанимацию. Там мне ставят катетер. И отправляют на первую в моей жизни процедуру гемодиализа. Почему? Потому что мои почки больше не работают. К тому моменту у меня уже был критически низкий гемоглобин и высочайший креатинин. Если простыми словами: моя кровь превратилась в отраву, а организм дышал на ладан. Ещё немного — и всё. Врачи не давали гарантий. Но они успели. Меня подключили к аппарату. И я остался жить. С тех пор в день рождения моей дочери я отмечаю своё второе день рождения. Потому что не попади я тогда, в ту ночь, на гемодиализ — мои дни были бы уже сочтены.

Что такое гемодиализ? Кратко для тех, кто не в курсе

Я не буду углубляться в подробности — об этом я уже написал свою первую книгу. Но чтобы тебе, мой читатель, было понятно дальше, объясню самое главное. Гемодиализ — это такая процедура, где тебя подключают к аппарату «искусственная почка». Когда твои собственные почки отказывают (а у меня это случилось из-за наследственного поликистоза — когда почки превращаются в кисты, как виноград, и перестают работать), этот аппарат делает их работу за тебя. Как это выглядит на деле?

Тебя подключают к машине через специальный катетер (позже — через фистулу на руке). Кровь из твоего тела идёт по трубочкам в аппарат, там она очищается от шлаков, лишней воды и токсинов, а потом возвращается обратно. Одна процедура длится около 4 часов. Три раза в неделю. 11 лет. И это не лечит — это просто заменяет. Ты живёшь, пока работаешь как привязанный к этому графику. В 2016 году я не знал, что впереди у меня ещё два инфаркта, 11 лет (и больше) этой гонки, вторая книга и что я доживу до 40 лет и напишу эти строки. Я знал только одно: я должен жить ради своей семьи. Ради жены. Ради детей. Ради своей мамы.

Сто километров туда, сто обратно. Первый год

Период, когда меня только ввели на диализ, был, наверное, самым сложным в моей жизни.

Вы только представьте.

Мне 29 лет. Я молодой отец. И вдруг мне говорят: «Гемодиализ — это теперь на всю жизнь».

Я не поверил. Нет. Не может быть. Это какая-то ошибка, меня «полечат» и отпустят. Так думает каждый новичок. Это стадия отрицания, я теперь это знаю.

Но реальность была другой.

После реанимации я попал в отделение нефрологии. С подключичным катетером — из тела торчат две трубочки, одна красная, другая синяя, с ними и спишь, и ешь, и боишься лишний раз пошевелиться.

Так я провалялся почти месяц.

Потом меня ненадолго отпустили домой — на пару дней. Просто чтобы я вспомнил, как пахнет родной порог. И снова — в больницу. На этот раз в отделение сосудистой хирургии.

Операция по формированию фистулы. Для тех, кто не знает: это когда хирург соединяет вену и артерию на руке, чтобы сосуд расширился, стал крепким и выдерживал многолетние уколы толстыми иглами. Фистула — это вход в жизнь для диализного пациента. Без неё ты никто.

Операцию сделали. Фистула «созревала» несколько недель. А потом началась обычная жизнь.

Живём мы далеко от города. Диализный центр — в Самаре. Сто километров от дома.

Туда и обратно — двести. Три раза в неделю.

И ехать мне было в ночную смену. Мы выезжали вечером, процедура заканчивалась глубоко за полночь, и мы возвращались под утро вымотанные до предела.

Что это значит?

Это значит — пустая длинная трасса, сонные глаза и сильнейшие головные боли после диализа. Слабость такая, что ложку в руке удержать трудно. А надо ещё двести километров выдержать в машине.

Кто меня возил?

Моя жена — Ксения.

Она села за руль нашего автомобиля ВАЗ 2115 2008 года выпуска и возила меня. Ночь за ночью. Смену за сменой. Под утро — домой, а там дети, завтрак, школа, огород, дела.

Эта машина для меня многое значит. Как, впрочем, и для любого другого пациента, который живёт далеко от диализного центра. Это не просто «железо». Это спасение. Это мобильность. Это свобода передвижения, без которой ты просто умрёшь.

Я знаю, о чём говорю.

Первый год я прошёл все стадии принятия.

Отрицание. Гнев. Торг. Депрессия. Принятие.

Где-то между «торгом» и «депрессией» случилась неприятность. На одной из процедур меня «пересушили». Это когда аппарат убрал слишком много жидкости — больше, чем нужно, появились судороги в ногах и руках и упало давление. Последствия были необратимыми.

У меня пропала моча.

С тех пор я не писаю совсем. Совсем. Вся жидкость, которую я выпиваю, остаётся во мне, пока аппарат не вытянет её через диализ. Это звучит как мелочь, но для пациента это рубеж. Обратной дороги нет.

Где-то там же, в первом году, я поменял диализный центр. Ушёл из больницы имени Середавина. Перевёлся в РЖД Медицину — в том же городе Самаре.

Почему? Потому что то отделение закрывали на ремонт и пациентам были предложены другие центры.

А потом пришла зима.

И тут началось то, к чему нельзя подготовиться, даже если ты прошёл реанимацию и операцию.

Дороги постоянно переметало. Снежные заносы, гололёд, метели. А ехать нужно. Любой ценой. Пропускать нельзя. Пропустишь одну процедуру — начнётся отёк лёгких. Пропустишь две — привет, реанимация.

И параллельно — оформление инвалидности.

Я не буду врать: это было унижительно. Ходить по кабинетам, доказывать, что ты действительно болен. Собирать справки. Слышать хамство от чиновников в белых халатах. И слышать это не раз и не два. Все это продолжалось с лета и до зимы.

С первого раза не получилось. Конечно.

Пенсию мне начали платить не сразу. Дорожные деньги (компенсацию проезда на диализ) — тоже. Я прошёл долгий путь длиной в три месяца, прежде чем государство вспомнило, что я вообще существую и имею право на помощь.

Три месяца без денег. С тремя детьми. С машиной, которую надо заправлять. С диализом, который не отменяешь.

И вот здесь я хочу, чтобы читатель на паузу нажал. Потому что сейчас важно.

В этой книге я хочу выразить огромную благодарность одному человеку.

Обухову Владимиру Владимировичу.

Мы работали с ним вместе на тот момент. И когда я почти сломался — физически, финансово, морально — он меня не бросил.

Владимир Владимирович поддерживал меня практически целый год. Финансово. Без его помощи я бы не мог заправлять машину. Я бы не мог ездить на диализ. А значит, я бы не мог жить.

И, что самое главное, я бы не мог кормить своих детей.

Это не громкие слова. Это факт. Выживание многодетного отца на диализе в 2016 году в России — это не подвиг. Это цепь случайностей и людской помощи. И если из этой цепи выпадает одно звено — всё.

Владимир Владимирович был тем звеном, которое не дало мне упасть.

Спасибо вам. Спасибо за моих детей. Спасибо за мою жизнь.

Кости, которые дико болели

Год за годом я преодолевал расстояние до больницы и обратно. Сто километров туда, процедура, сто километров обратно — три раза в неделю. Дождь, снег, гололёд, туман — неважно. Машина едет, Ксения за рулём, я на пассажирском. Таков наш ритм. Наша жизнь. Но время шло. И однажды организм сказал: «Виталий, ты не угадал. Будет ещё больше». У меня повысился ПТГ. Для тех, кто не в курсе: ПТГ — это паратиреоидный гормон, который вырабатывается паращитовидными железами — маленькими, размером с горошину, они сидят на шее сзади щитовидки. Когда почки не работают, этот гормон сходит с ума, его становится слишком много, и он начинает вымывать кальций из костей.

Норма ПТГ у здорового человека — где-то 15—65 пг/мл. У меня было почти 2500. Я не оговорился. Две тысячи пятьсот. Это не просто «выше нормы», это катастрофа. Мои кости превращались в стекло — хрупкие, пористые, готовые треснуть от любого неловкого движения. И они болели. О, как они болели. Кости стали болеть дико. Сначала терпимо, потом всё хуже. Я с трудом ходил, еле-еле передвигал ноги. Каждый шаг отдавался тупой, ноющей болью где-то глубоко внутри — в бёдрах, в тазу, в позвоночнике, в локтях и коленях.

Домашние видели. Жена Ксения видела, как я встаю с дивана и морщусь. Дети видели, как папа идёт по коридору медленно, ссутулившись, будто мне под девяносто лет. Я сам себя не узнавал. Мой лечащий врач и профессор Макаров (тогда я впервые услышал эту фамилию) были категоричны: «Виталий, нужно срочно делать операцию по удалению паращитовидных желез. Промедление опасно. В противном случае у вас могут сломаться кости. Особенно тазобедренный сустав».

А перелом шейки бедра в моём положении — это не гипс и костыли, это койка, это обездвиженность, это смерть диализного пациента за полгода. Я это знал. Я проходил дорогостоящее обследование — сдавал кровь, делал сцинтиграфию паращитовидных желез, радиологическое обследование, консультировался с профессором. Всё это стоило больших денег, я собирал по копейкам, крутился, искал. И всё это время со мной была моя семья — моя жена, мои дети.

Они видели все мои страдания, они не отворачивались. Ксения по-прежнему везла меня на диализ, дети — даже самые маленькие — чувствовали, что с папой что-то не так, и старались быть тише, не шуметь, не дёргать. Это помогало, но и разрывало сердце, потому что отец должен быть сильным, а я еле ходил. Я тогда не верил, что после операции смогу играть в футбол. Честно. Даже не мечтал. Футбол — это бег, рывки, удары по мячу, резкие повороты. А я передвигался по дому со скоростью черепахи и с лицом, искажённым болью. В голове была только одна мысль: «Сделайте так, чтобы просто не болело. Ходить научите. О футболе я уже не прошу».

И ещё одна деталь, которую я хочу сказать для тех, кто сейчас читает и у кого такой же высокий ПТГ: медикаментозно нас, пациентов на диализе, от этого в то время не лечили. Не было нормальных препаратов, не было современных схем. Был только скальпель. Только операция. Или инвалидная коляска и переломы.

Я подготовился, прошёл этот путь и сделал операцию. Теперь на шее у меня разрез, шрам, который напоминает мне о том дне. Все паращитовидные железы удалили, а в правое предплечье вшили мне кусочек моей же железы — забегая вперёд, скажу честно: она никакого потом эффекта не дала. После операции ПТГ с 2500 снизился до 500. Это всё равно много, но уже не смертельно. И началось самое странное — состояние онемения. Мне дико вливали кальций, капельницы шли одна за другой, и мои кости наконец-то начали насыщаться. Они пили этот кальций как сухая земля первый дождь. И постепенно, день за днём, боль уходила. Я снова учился ходить — не хромая, не сгибаясь пополам. А потом — вы не поверите — я смог бегать.

Я смог пинать мяч со своими детьми. Вот что значит правильная операция. Вот что значит не сдаваться. И вот что значит — ради кого всё это было затеяно.

Мой четвертый ребенок и моя война с минздравом

В 2019 году у меня родился четвертый ребенок — Иван. Кстати, я вас до сих пор не познакомил с моими детьми, а это важно, потому что ради них всё и затевалось. Мой старший сын — Данил, 2004 года рождения. Аллочка — 2010. София — 2012. Трое детей родились до того, как я попал на диализ. А вот Иван родился уже в процессе, когда я жил между диализом, фистулой, ночными сменами и больными костями. И именно в тот самый момент, когда Иван появился на свет, я начал свою войну с минздравом — войну, в которой, я не боюсь этого слова, одержал победу.

Дело в том, что все эти годы, до 2019 года, я ездил в Самару. Сто километров туда, сто обратно. Три раза в неделю. И каждые полгода я заваливал минздрав письмами. Я писал, писал, писал — о том, что нужно открыть диализный центр поближе, в городе Отрадном или в Кинель-Черкассах. Чтобы мы, пациенты из области, не убивали себя на трассе. Чтобы у нас была жизнь, а не вечная дорога. В ответ я получал одни лишь отписки. Вежливые, казённые, пустые. «Вам отказано». «Вопрос рассматривается». «Нет возможности». Знаете, за этими словами стоит простое: никому не было дела.

Я был не один такой. Пациентов, которые ездили в Самару из области, было много. И никто особо не старался, чтобы открыть такой центр. Все терпели. Ездили. Молчали. А я не молчал. Я не умею молчать, когда речь идёт о жизни — моей и других таких же, как я.

И тогда я запустил свою публичную акцию через социальные сети. Я написал: это моя последняя процедура, я больше никуда не поеду. Не могу. Не буду. Я понимал, что иду на риск. Что меня никто не поддержит. И знаете что? Из пациентов меня действительно никто не поддержал. Никто. Они боялись. Боялись последствий, боялись, что их самих лишат диализа, боялись высываться. Я их не осуждаю — каждый выживает как может. Но мне было больно и одиноко.

Но зато меня поддержали мои друзья. Простые люди. Те, кто видел, как я живу. И общественность. И ряд средств массовой информации — они подхватили эту тему, вынесли её в публичную плоскость. Обо мне заговорили. О моей ситуации. О том, что человек с четырьмя детьми, на диализе, ездит за сто километров, а чиновники отписываются.

На следующий день меня приняли в министерстве в Самаре. Приняли — не поверите — всерьёз. Собрали главврачей. Посадили меня напротив. И решили создать комиссию, в которую я вошёл. Я сам. Пациент, которого раньше кормили отписками, теперь сидел за одним столом с теми, кто принимает решения. И мы приняли решение: открыть диализный центр в городе Отрадном.

Долгожданный центр. Наша победа.

Пока его открывали — а это заняло пару месяцев — меня возили на такси туда и обратно за счёт больницы, в которой я проходил диализ на тот момент. Я не платил ни копейки. Впервые за годы дорога не высасывала из меня последние деньги и силы.

А потом центр заработал. И моя жизнь изменилась. Навсегда. Вместо ста километров в один конец я ездил сорок. Сорок! Это небо и земля. Это время, которое я стал проводить с семьёй. Это силы, которые я перестал тратить на дорогу. Это дети, которые наконец увидели отца не только в кресле машины и в палате, а живого, улыбающегося, играющего с ними.

Война с минздравом закончилась моей победой. Я не герой. Я просто отец четверых детей, который отказался умирать на трассе. И который знает: если не бороться, ничего не изменится. Никто не придет и не подарит тебе диализный центр под окном. Его надо отвоевать. Словом, письмом, постом, публичностью. Я это сделал. И вы, если вы в такой же ситуации, — тоже можете. Не бойтесь. Боритесь. Ради своих детей. Ради себя.

ПТГ возвращается. Операция, которая не помогла

После операции по удалению парашитовидных желез два года я чувствовал себя прекрасно. Кости не болели, я мог быть физически активным, бегал с детьми, пинал мяч, жил почти нормальной жизнью. Почти — потому что диализ оставался, но это уже стало привычкой, частью расписания, просто работой, которую нужно делать три раза в неделю. А вот боль ушла. И это было счастье.

Но в 2020 году боли вернулись. Сначала я не поверил, списывал на усталость, на погоду, на что угодно, только не на то, что ПТГ снова полез вверх. А потом сдал анализ, и цифра меня добила. ПТГ вырос с 500 до 1600. Он полз вверх стремительно, как будто той операции вообще не было. Я вновь обратился к профессору Макарову, прошёл обследование — такое же дорогостоящее, как и в прошлый раз, — скинтиграфию, анализы, консультации. Но ту железу, которую мне вшили в правое предплечье, так и не обнаружили. Она спряталась, затаилась, не подавала признаков. А ПТГ рос.

Я продолжал ходить на гемодиализ в городе Отрадном. Мне какое-то время даже стали колоть Земплар — дорогостоящий препарат, который снижает ПТГ, за счёт диализного центра. Я обрадовался, подумал: «Вот оно, лекарственное решение, обойдусь без ножа». Но эффекта не было. Ноль. Препарат не работал. И его просто отменили. Потому что дорого и бесполезно.

Я снова поехал к профессору Макарову. Мы сидели в его кабинете, я смотрел на него и ждал хоть какого-то ответа. Он сказал: «Виталий, давай пройдем ещё раз обследование. Если опять ничего не обнаружим, будем делать операцию на правом предплечье — там, где я тебе в первую операцию подшил одну парашитовидную железу прямо в руку». Я согласился. А что мне оставалось? ПТГ рос, кости болели, я снова начинал ходить как старик.

Операцию сделали. Разрезали руку, искали ту самую железу, нашли, что-то, удалили, подшивали, зашили и отправили в палату. Я лежал, восстанавливался, ждал чуда. Конечно же, операция ничего не дала. После неё на следующий день взяли анализ крови, и мы с профессором посмотрели на результат. ПТГ — без изменений. Те же 1600. Те же больные кости. Та же пустота внутри.

Я отчаялся. Честно. Мне было непонятно, что делать дальше. Макаров говорил, что такое бывает. Он объяснил, что возможна моя железа (или то, что от неё осталось) находится за грудиной. Но это уже другая операция — на тот момент её делали с разрезом грудной клетки. Вскрывать грудную клетку диализному пациенту? Это даже звучало как приговор. Позже, я слышал, такие операции стали проводить через подмышечную впадину, более щадяще. Но тогда, в тот момент, для меня это был не вариант. Я отказался.

И я остался с ПТГ 1600. С болью в костях. С непонятным будущим. Без вариантов. Ситуация была безвыходная. Я не знал, куда идти, кого просить, что делать. Врачи разводили руками. Препараты не работали. Операция не помогла. А ПТГ всё рос.

Гостевой диализ и жизнь на два дома

2021 год, осень. Мы с семьей планируем небольшое путешествие по Самарской области. До этого мы ездили отдыхать в соседнюю Ульяновскую область, так что опыт был. Но есть одна проблема, которую понимают только диализные пациенты: диализ пропускать нельзя. Вообще. Ни на день. Ни на час. Поэтому, если ты хочешь куда-то поехать, нужно организовать так называемый «гостевой гемодиализ».

Звучит просто, а на деле — целый квест. Нужно взять направление от своего терапевта, выписку с диализного центра, сделать снимок грудной клетки, сдать анализы на ВИЧ и гепатит, а потом ещё договориться с чужим диализным центром — на какие дни и в какую смену тебя смогут принять. Честно скажу: это проблема. Особенно если вы планируете ехать на юг. Туда нужно договариваться минимум за полгода, и то не факт, что вас примут. Но мы ехали не на юг, а по Самарской области, и я всё сделал как положено.

Мы купили билеты на поезд и поехали в Сызрань. Пять часов — и мы на месте. Заселились в отель, пошли в аквапарк, в кафе. Отдыхали. Дышали другим воздухом. Дети визжали от счастья, Ксения улыбалась, и я на несколько часов забыл, что я пациент. На следующий день — диализ. Я попал в сызранский центр «ФРЕЗЕНИУС», и мне там всё понравилось. Не как обычно — «терпимо», а по-настоящему. Отношение, оборудование, чистота, профессионализм. И самое главное — я узнал, что в этом центре подбирают медикаментозное лечение ПТГ. Не отправляют на очередную операцию, не разводят руками, а именно лечат. Таблетками, уколами, схемами.

Вернувшись домой, я не раздумывая взял направление на гемодиализ в Сызрань. Мы сняли в городе квартиру и стали жить на два дома. Постоянно ездили туда, ночевали в городе, возвращались, снова собирались. Это было тяжело — физически, финансово, морально. Но я видел результат. На процедуре мне кололи Парсабив, Земплар — те самые дорогие препараты, которые раньше отменили за отсутствием эффекта. И эффект появился. ПТГ немного опустился, боли заметно прошли. Я снова мог ходить без хруста в костях, снова спать по ночам, не просыпаясь от тупой ноющей боли в пояснице и бёдрах. А от высокого фосфора в центре выдавали бесплатно, препарат Силомерекс.

Цифра, правда, до сих пор была внушительная. Не 2500, как в самом начале, но и не норма. И ПТГ, и фосфор оставались высокими. А высокий фосфор в крови диализного пациента — это не просто цифра в анализе. Это медленный яд для сосудов. Он делает их жёсткими, хрупкими, известковыми. Мои сосуды, включая те, что питают сердце, стали кальцинироваться. Кальций откладывался на стенках, и они теряли эластичность. Я тогда ещё не знал, чем это закончится. Думал: «ПТГ снизился, боли прошли, значит, всё налаживается». Но организм готовил мне следующий удар.

Уголь в груди. Январское утро 2022 года

Январь 2022 года. Морозное, солнечное, прекрасное утро. Такое утро, когда хочется пить кофе, смотреть в окно и радоваться, что ты жив. Я тогда ещё не знал, что это утро станет точкой невозврата.

У меня стало дико болеть в груди. Всё жгло. Ощущение было такое, что у меня в груди раскалённый уголь. Где-то посередине грудной клетки, глубоко, не снаружи, а внутри — как будто кто-то положил туда уголёк и он медленно прожигает меня насквозь. Я пытался лежать, сидеть, стоять — боль не унималась. Она была везде. Она была мной.

Мы не стали ждать скорую. Вызвали такси и поехали в приёмное отделение центральной городской больницы города Сызрань. Я сидел на заднем сиденье, сжимал грудную клетку руками и молился, чтобы мы успели. Ксения смотрела на меня, и в её глазах был такой ужас, какого я никогда не видел.

В больнице меня не сразу приняли. Отвели в смотровой кабинет, сказали ждать, вызвали кардиолога. Я просил. Я просто умолял сделать мне хоть что-то. Боль усиливалась, она была невыносимой. Я не мог сидеть, не мог стоять, не мог лежать. Я метался по кабинету, как зверь в клетке. Медсестра предложила мне лечь, чтобы снять кардиограмму. Я с трудом смог вылезать — каждую секунду хотелось вскочить, закричать, разбить что-нибудь, лишь бы это прекратилось.

Кардиограмма ничего не показала. Ноль. Чисто. Сердце на плёнке выглядело спокойным, а внутри у меня горел огонь.

Пришёл кардиолог. Вяло посмотрел на меня, задал несколько вопросов, что-то пробурчал себе под нос. Потом развернулся и удалился со словами: «Это точно не ко мне. Вызывайте невролога».

Я остался ждать невролога. Ещё минут сорок. Сорок минут, которые растянулись в вечность. Я думал, что умру прямо там, на этой кушетке, в чужом городе, в чужой больнице, где никому до меня нет дела. Боль жгла, паника нарастала, я не контролировал себя. Ксения пыталась меня успокоить, гладила по руке, говорила что-то — но ничего не помогало. Я не слышал. Я слышал только свою боль.

Я метался из стороны в сторону. Сидел. Ложился на кушетку. Вскикивал. Выбегал курить на крыльцо — на мороз, в одном свитере, с горящей грудью. Ничего не помогало.

Наконец пришёл невролог. Медсестра с его позволения сделала мне обезболивающий укол. Какое лекарство — я уже и не вспомню. И боль... немного стала утихать. Не ушла, нет. Просто перестала быть невыносимой. Из красного цвета стала серой. И я выдохнул.

Мне выписали обезболивающие, порекомендовали пластыри от боли и написали в карте: «невралгия». Межрёберная невралгия, скорее всего. Иди домой, Виталий, пей таблетки, клей пластыри, всё пройдёт.

Я вышел из больницы. Живой. Дышащий. На своих ногах. И поверил им. Потому что очень хотелось верить, что это просто невралгия. Что сердце в порядке. Что я справлюсь сам.

Как же они ошибались. Как же мы все ошибались...

Месяцы боли и один лифт в реанимацию

Придя домой после того январского утра, я лег на кровать и заснул в 16:00. Проснулся, поехал на диализ. Боли не было. Я выдохнул. Думал, что невролог был прав, что пластыри и обезбол работали, что всё позади. Как же я наивно думал.

Примерно через неделю боли появились опять. Но не такие сильные, как в первый раз. Они проявлялись при нагрузке. И ещё одна странность: когда я лежал, боль приходила. Я вставал на ноги — и боль прекращалась. Так было периодически. С каждым разом всё сильнее, всё чаще, всё страшнее.

Мы ещё раз пошли в приёмное отделение. И в тот раз врачи не смогли — или не захотели — определить, что у меня прединфарктное состояние. Всё списывали на неврологию. Мне ни разу не взяли кровь на тропонин. Ни разу. Самый главный анализ, который показывает, умирает твоё сердце или нет, — его просто не делали.

Врачи смотрели на меня, слышали мои жалобы и говорили: «Неврология, Виталий, не переживайте». А я переживал. Потому что внутри меня что-то явно было не так.

Кровь на тропонин взяли только в Кинель-Черкасской ЦРБ. Это случилось на выходных. Я находился дома, в деревне. И меня прихватило так, что я не мог терпеть. На улице уже был май месяц. Цвела весна, пели птицы, а я сидел на кухне, сжимал грудную клетку и молился, чтобы это прошло. Врачи в ЦРБ посмотрели анализы, предложили мне лечь на госпитализацию в кардиологию. Но диализ пропускать нельзя. Это железное правило: пропустишь процедуру — получишь отёк лёгких. И я отказался. Собрался, сел в машину и поехал в Сызрань на диализ.

К тому моменту я уже не мог спать ночами. Постоянно стоял. На ногах. Потому что при горизонтальном положении тела боли усиливались. Теперь болело в груди каждый день. Каждую ночь. Каждый час. Я научился спать на коленях, сидя, положив часть тела на диван. Так я проводил ночи — ни лёжа, ни сидя, а в какой-то промежуточной позе, в которой боль была чуть слабее. Это было изнурительно. Это было безумие.

И в мае, в один прекрасный день, боль началась с двух часов дня. И продолжалась до пяти вечера. Три часа ада. Три часа, за которые я исходил всю квартиру, перепробовал все позы, выкурил, наверное, пачку сигарет, хотя курить было нельзя. Я уже не мог терпеть. Супруга вызвала скорую.

Скорая приехала быстро. Медики сняли кардиограмму с меня сидя — я не мог лечь, каждое прикосновение спиной к чему-либо отзывалось болью. Потом они взяли кровь. Потом вкололи обезболивающее. Морфий. Впервые в жизни мне вкололи морфий. И меня начало безостановочно рвать. Я стоял на четвереньках в сан узле, меня выворачивало, а в груди всё ещё горело.

Кое-как я дошёл до машины скорой помощи. Супруга поехала со мной. Нас повезли в приёмное отделение. И уже там, в коридоре, медсёстры, которые приезжали ко мне на вызов, сказали правду. Просто, без подготовки, глядя мне в глаза: «У вас инфаркт».

Я не удивился. Странно, правда? После всех этих месяцев боли, после всех этих «неврологий», после того, как я научился спать на коленях, — я не удивился. Я будто знал. Внутри меня кто-то давно уже знал, что это конец чего-то и начало чего-то другого.

На инвалидной коляске меня завезли в лифт. Ксения осталась на первом этаже. Она поцеловала меня. Перекрестила. Мы расстались. Я поднимался в лифте в реанимацию, а она осталась внизу, в пустом больничном коридоре, одна, с мыслями, которые я даже представить себе боюсь.

Двери лифта закрылись. И началось самое страшное.

Реанимация. Духота, марля и чай с манной кашей

Меня привезли в реанимационную палату. Раздели. Сняли серебряную цепочку с крестиком. Сняли печатку. И полностью голого переложили на кровать. В реанимации нет места стеснению — там вообще нет места ничему, кроме борьбы за жизнь. Поставили катетер в руку и начали тромболитис капать — препарат, который растворяет тромбы в сосудах сердца. Боль вернулась. Снова сделали морфий. И рвота началась по новой. Меня выворачивало, я был вымотан до предела, моё тело отказывалось подчиняться. Главное, что меня беспокоило тогда, лёжа на этой кровати, опутанный проводами и капельницами: выживу ли я?

В палате было ужасно душно. Открытое окно, затянутое марлей, почти не спасало — воздух был тяжёлым, спёртым, пахло лекарствами, и чем-то ещё, чему нет названия, но что запоминается навсегда, если ты хоть раз лежал в реанимации. Рядом лежал мужчина. Палата была разделена на две части — в одной мы с ним, в другой ещё два пациента. Все мы были в одинаковом положении: капельницы, датчики, мониторы, плачущие где-то над головой.

Кстати, вставлю важную деталь. Когда меня только привезли в палату, мне хотели поставить мочевого катетер. Его ставят всем, кого кладут в реанимацию — такая стандартная процедура, контроль за выделением жидкости. Я сказал медсёстрам: «Я на гемодиализе. У меня давно нет мочи». Они удивились. Посмотрели на меня с недоверием — как это, человек без мочи? Но врач кивнул в знак подтверждения моих слов, и они отступили. Вот так, даже в реанимации, диализный пациент вынужден объяснять очевидное.

Мне немного становилось лучше. Примерно в два или три часа ночи я заснул. По мимо катетера в руке, я был обклеен датчиками, рядом пищали мониторы, но усталость взяла своё — организм отключился. Сон был тяжёлым, прерывистым, но это был сон. Я не умер. Я спал. Значит, я ещё жив.

Утро наступило. Тошнота немного прошла. После врачебного обхода мне принесли чай и манную кашу. Я поел без аппетита — ложку в рот, проглотить, ещё ложку. Не потому что хотел, а потому что надо. Телу нужны силы, даже если душа в пятки ушла. Главное, что меня беспокоило — это духота в палате. И отсутствие связи с семьёй. Я не знал, что думает Ксения, что делает, где она. Я не знал, позвонила ли она моей маме. Я хотел передать им, что со мной всё хорошо. Хотел успокоить свою маму, чтобы она не плакала. Но телефона в реанимации нет. Связи нет. Только стены, марля на окне и плачущие мониторы.

Потом за мной пришли. Переложили на каталку. Повезли по коридорам и лифтам на УЗИ. Мимо пациентов, ожидающих приёма врача возле кабинетов. Они смотрели на меня — голого под простынёй, с капельницей, с синяками на руках. А я смотрел на них. Мы обменялись взглядами. Я не знал, кто они, а они не знали, кто я. Но в тот момент я понял одну вещь: я жив. Я на каталке, я в реанимации, у меня инфаркт, но я жив. И пока я жив, я буду бороться.

УЗИ, сосед по палате и старые аппараты

В кабинете УЗИ была очередь. Там уже сидел какой-то пациент, пришлось ждать в коридоре на каталке. Минут двадцать я лежал, накрытый простынёй, и смотрел в потолок. Потом меня закатили в кабинет. За аппаратом УЗИ сидела врач — женщина средних лет. Она что-то буднично обсуждала по телефону, даже не повернув голову, когда меня ввели. Потом положила телефон, взяла моё личное дело, посмотрела, задала пару вопросов, намазала мне грудь гелем и стала тщательно рассматривать моё сердце на экране. Водила датчиком, хмурилась, что-то озвучивала медсестре, которая находилась с ней в одном кабинете, а та записывала. Я лежал и смотрел на экран, на котором пульсировало что-то чёрно-белое, живое, моё. Я задал вопрос: «Насколько всё плохо?» Она ответила, не отрываясь от экрана: «А что, ничего хорошего. Инфаркт — это не есть хорошо». И продолжила водить датчиком. Вот так просто. Без пафоса, без трагедии. Инфаркт — это не есть хорошо. Как будто я не знал.

Меня вернули в палату. В ту же душную, с открытым окном и марлей на раме. Подключили лекарство. И в катетере что-то кольнуло. Резко, неприятно. Я позвал медсестру. Она пришла, что-то подвинула, посмотрела, сказала: «Всё нормально», — и вышла из палаты. А я чувствовал, что мне задувает вену. Чувствовал, как что-то идёт не так, но кто меня слушал? В реанимации ты не пациент, ты объект. С тобой делают манипуляции, а твои ощущения — это последнее, что кого-то волнует. Порой им кажется, что ты что-то выдумываешь или что тебе, что-то кажется.

В палате становилось ещё жарче. Я лежал и считал минуты до вечера, до ночи, до любого момента, когда можно будет просто закрыть глаза и не чувствовать эту духоту. Рядом лежал мужчина. Он так же, как и я, изнывал от жары. И так же, как и я, не мог связаться с близкими. Он был не местный. Приехал с дочерью к её парню на присягу. Встретился с родителями её парня, познакомился, уже собирался было ехать домой — и вдруг стал сильно задыхаться. Вызвал скорую. Еле успел. Он был уже год после шунтирования. На его теле был огромный шрам — от шеи и до низа грудины, как молния. Он рассказывал мне, через что ему пришлось пройти. И переживал. Не за себя — за дочь. За то, что она там одна, не знает, что с ним. За свою машину, которую бросил на обочине дороги. Просил телефон. Ему не давали. Просил я — мне тоже. В ответ — тишина. В реанимации телефон — это роскошь, на которую ты не имеешь права. Ты отрезан от мира. Только стены, койка, капельница и сосед, который так же, как ты, сходит с ума от неизвестности.

После обеда меня повезли на гемодиализ. В ЦГБ Сызрани, на первом этаже, есть небольшое отделение — четыре аппарата. Старого образца. Те самые, на которых я начинал свой диализный путь много лет назад. Меня привезли на каталке, переложили на кресло, подключили. Аппарат загудел знакомой, почти родной песней. Я смотрел на эти старые кнопки, на эту допотопную технику и думал: «Господи, сколько же я с тобой, старина. Сколько дорог, сколько ночей, сколько слёз и боли. И вот мы снова вместе, в реанимации, после инфаркта». Кровь пошла по трубочкам, аппарат зажужжал, затикал, задышал в такт моему сердцу. Я закрыл глаза. И впервые за много часов мне стало чуть легче. Не потому, что боль ушла. А потому, что я вернулся к чему-то знакомому. К своему ритуалу. К своей жизни, пусть и такой странной, на грани. Диализ после инфаркта. Старые аппараты. Новый день. Я всё ещё был жив.

Азамат, телефон и расписка на свой страх и риск

В палату, где мне делали гемодиализ, вошли два молодых человека в белых халатах. Одного я узнал сразу. Это был Шиналиев Азамат. Мы с ним когда-то вместе учились в медицинском колледже в Кинель-Черкассах. Теперь он уже не первый год работал в Сызрани врачом в роддоме. А второй был тоже врач, учился вроде на курс младше, но я его до сих пор не могу вспомнить. Он работал в этой же больнице — кем именно, сейчас не вспомню, кажется, неврологом. Они подошли, расспросили меня: что да как, как я здесь оказался, как себя чувствую. Спросили, что мне нужно. Я ответил, что ничего, кроме мобильного телефона.

Азамат не стал задавать лишних вопросов. Просто дал мне телефон. Я набрал номер жены Ксении. И мы наконец-то пообщались. Я рассказал ей всё. Спросил про детей. Звонила ли она моей маме. Уверил её, что у меня всё в порядке — хотя это было не совсем правдой. Рассказал, что в палате не работают кондиционеры, стоит нереальная жара, и что я хочу домой. Хочу в больницу по месту прописки. Она выслушала, спросила, могу ли я приехать сейчас. Я ответил: «Нет, пока не приезжай, если что я найду способ позвонить». Азамат и его спутник ушли. Я успел только прошептать «спасибо».

Время диализа завершилось. Меня отключили от аппарата, повязали тугую повязку на руку. Медсестра позвонила в отделение, чтобы за мной пришли. Через полчаса я был в палате. Меня обратно подключили к катетеру — к тому самому, который уже начинал меня беспокоить. Продолжили капать лекарство, что это было, я не знаю до сих пор. Но место под иглой заметно стало распухать. Вена вздувалась, болела, я чувствовал, что что-то идёт не так.

Я попросил медсестру вызвать дежурного врача. Был выходной день, поэтому врач был один на несколько отделений. Он пришёл не сразу. Вошёл в палату, посмотрел на меня усталыми глазами. Я всё объяснил. И прямо сказал: мне жарко, нечем дышать, даже медсёстры сами не находились в палате, потому что там была просто парная как в бане. Он выслушал. Потом сказал: «Возможно, ты прав. Но у тебя был инфаркт, и твоё состояние расценивается как тяжёлое. Если хочешь уйти — пиши записку на имя главврача. И за всё, что с тобой может произойти, отвечаешь только ты сам».

Я написал. Взял ручку, лист бумаги и написал, что я, Виталий, такой-то, покидаю больницу на свой страх и риск, в палате невыносимо душно, ответственность несу сам. В тот момент мне было всё равно. Я готов был подписать что угодно, лишь бы выйти из этой душегубки. Потом попросил дать мне возможность позвонить жене. Позвонил. Попросил её приехать и забрать меня как можно быстрее.

Ксения приехала. Я спускался по лестнице сам — еле-еле передвигая ноги, держась за перила, останавливаясь после каждого пролёта. Сердце колотилось, в груди ныло, рука была распухшей. Но я шёл. Потому что дома меня ждали дети. Потому что в этой больнице мне больше нечего было делать.

Никаких рекомендаций от врачей я так и не получил. Единственное, что он дал мне с собой — это ампулы со шприцами с гепарином. И всё. Ни выписного эпикриза, ни схемы лечения, ни плана реабилитации. Только гепарин и напутствие: «Сам решай как тебе лучше». Я вышел на улицу. Вдохнул свежий майский воздух. И понял, что только что выиграл ещё один бой. Не у кардиологов, не у хирургов. У системы, которая пыталась меня задушить в душной палате, приковать к капельнице и заставить бояться.

Я не испугался. Я ушёл. И это было моё первое решение после инфаркта, которое я принял сам.

Вентилятор, скорая без маячков и 100 км жары

Придя домой, я первым делом принял душ. Смыл с себя запах больницы, духоту, страх. А потом сел за компьютер и написал письмо в минздрав. Описал проблему — отсутствие кондиционеров в отделении реанимации. Пусть знают. Пусть хоть кому-то станет легче после меня. На следующий день я поехал на гемодиализ. Но там, узнав, что я самолично покинул отделение реанимации, попросили меня написать бумагу — что я несу ответственность за себя сам. Я написал. Уже привык. Сколько можно расписок за свою жизнь собирать?

Про доступную медицину или как я с реанимации сбежал.

7.07.2022 года, вечером у меня появилась сильная боль в груди со стороны сердца, снять её самостоятельно с помощью обезболивающих таблеток не получилось, вызвали скорую помощь. Приехали быстро, сняли кардиограмму и ввели внутривенно морфин, боль мгновенно прошла. Девчонки со скорой предложили проехать с ними в больницу, по кардиограмме подозрение на инфаркт. Естественно я согласился и мы с супругой сели в машину скорой помощи и поехали. По приезду меня усадили на коляску и повезли на рентген, а от туда в кардиореанимацию, все это происходит в городе Сызрань. В реанимации ставят катетор в руку, и на грудь лепят провода. За ночь боль ещё раз возвращалась и так же быстро снималась. Ночь я провел в полудреме, в палате даже с открытым окном было очень жарко. Телефон и всю мою одежду забрали и отдали супруге. Попадая в реанимацию ты становишься оторван от мира сего. Никто, ничего внятно не объяснил родственникам, что со мной и как. Когда мама дозвонилась до врача, он ей ответил ваш сын в крайне тяжёлом состоянии и собственно все. На следующий день, ближе к обеду меня на каталке в простыне повезли на гемодиализ, где в зале был кондиционер, там 4 часа я наслаждался прохладой. Вернувшись в отделение реанимации я попал обратно в жару, пытался заснуть но это было не реально, простынь и подушка подомной были насквозь мокрыми. Кое как я провел ночь, а на утро вызвал врача, написал отказ от госпитализации и уехал домой. Да, я очень рискую с инфарктом уезжая из больницы, но и умереть там от жары 38 градусов в палате я не хочу. Кондиционер в палате есть, но он не работает, даже медперсонал мучается от этого. Я ушёл, там остались ещё 2 пациента, которые тоже изнемогают от жары. И это в реанимации кардио, туда на сутки поместить главврача может тогда он исправит ситуацию, что бы люди с инфарктом не бежали от туда

На фото моя правая рука, так мне капли систему Вот итог.

#минздрав #Бенян #сызрань

От Виталия Ковригина

Скриншот моего публичного обращения

После процедуры, на следующий день, мы взяли выписку с диализного центра и последние анализы и поехали в Кинель-Черкассы. Там меня тут же госпитализировали в кардиологию.

Поставили новый катетер. Положили в палату. Взяли анализы. Ксения — моя боевая подруга — собрала мне пакет: купила вентилятор на батарейках, удлинитель, зарядку для телефона, минеральную воду, тапки, полотенце, майку с шортами. Чтобы я не задохнулся, не пропал и не умер со скуки. Я смотрел на этот пакет и понимал, что все что мне нужно уместилось в него без труда.

В палату пришла врач. Расспросила меня всё, узнала, что я на гемодиализе, и стала совещаться с кем-то по телефону — что со мной делать. Говорила тихо, но я слышал: «Пациент сложный, диализный, инфаркт, нужна коронарография». В итоге решили отправить меня в клиники медицинского института в город Самару. На автомобиле скорой помощи.

Меня погрузили в машину. Я лежал на носилках, рядом сидел фельдшер — женщина лет сорока, спокойная, невозмутимая. И в дороге я у неё спросил: «Куда меня везут? Что мне будут делать?» Она ответила: «На коронарографию артерий сердца». Я тогда мало что знал про эту процедуру. Да и фельдшер мало что объяснила по этому поводу. Я решил не переживать — еду и еду. Пил минералку. За эти дни я до сих пор не мог прийти в себя, но боли как будто не было. Лишь иногда что-то ныло в груди, тихо, на фоне, как напоминание: «С сердцем что то совсем не в порядке».

Мы подъезжаем к Самаре. Встаём в пробку. И не включаем проблесковые маячки. Я смотрю в окно — машины стоят, мы стоим, стрелка часов ползёт. Я спрашиваю фельдшера: «Почему водитель не включает спецсигнал?» Она отвечает спокойно, как будто говорит о погоде: «Водитель не хочет торопиться. Приедем попозже — может, его ещё раз не пошлют в Самару. А так — обратно быстро вернётся, и всё». Я закрыл глаза. После инфаркта, в машине скорой, в пробке, в 35-градусную жару, мне объясняют, что водитель экономит свои нервы и время. Дорога от Кинель-Черкасской ЦРБ до Самары — 100 километров. Это примерно полтора-два часа езды. В пробках — больше. И все эти часы я лежал в душной машине, пил тёплую минералку и думал: «Господи, за что? Я же только что выжил. Неужели я умру в пробке по пути на коронарографию?»

Но не умер. Мы подъезжаем. Я вижу здания клиник мед института. Скорая заезжает на территорию. Меня выгружают. Впереди — новое отделение, новые врачи, новая надежда.

Бритьё, храп соседа и прокол артерии

Меня определили в палату. Спросили, когда я последний раз ел. Спросили, когда был последний гемодиализ. И сказали, что сегодня — а точнее через пару часов — меня возьмут на коронарографию. Нужно побрить пах и правую руку. Объяснили это тем, что прокол будут делать либо через руку, либо через пах. Мне дали станок. Я пошёл в ванную комнату и побрился. Это было странное чувство — готовить себя к процедуре, о которой я почти ничего не знал, но понимал, что от неё зависит, буду ли я жить дальше.

После этого пришла медсестра, проверила мою работу, одобрительно кивнула и сказала: «Готовьтесь. Раздевайтесь полностью и ждите, когда за вами приедут». Я снял всё. Лёг на кровать. В палате было четыре койки, но только две из них были заняты — моя и соседа. Он спал. На вид ему лет около пятидесяти, плотный мужчина. Спал и похрапывал — очень протяжно и громко. Этот храп заполнял всю палату, как будто кто-то водил смычком по контрабасу. Я лежал, слушал этот храп и ждал. Сердце колотилось, хотя я старался не подавать виду.

Потом за мной пришли. Повезли на коронарографию. Сказать честно, я переживал. И очень сильно. Только виду не подавал. Внутри всё дрожало, но на лице — каменное спокойствие. Зачем врачам мой страх? Им нужна моя артерия, а не мои нервы.

Меня завезли в стерильное, современное помещение. Всё сияло кипельно белым. Переложили на узкую металлическую кровать. Подложили небольшую пелёнку под голову. Накрыли простынёй по пояс. На ногу надели манжету для измерения давления — потому что на правой руке будет прокол, туда будут вводить зонд, а на левой руке у меня фистула для диализа, на ней нельзя мерить давление. Мне проверили катетер на руке — он работал. Потом начали вводить какое-то лекарство или контраст — я не знаю, что это было. Я просто лежал и смотрел как надо мной, было что то большое и серое, потом я понял это был некий сканер что ли.

Место, где пульс на правой руке, помазали чем-то холодным. Сделали обезболивающий укол. И вот это было, наверное, самое больное, что со мной произошло в этой операционной. Боль была острая, распирающая, как будто мне в запястье вгоняли раскалённую спицу. Я стиснул зубы, сжал левую руку в кулак. Боль медленно отступала, а запястье начинало неметь. Я чувствовал какое-то давление — как будто кто-то давит пальцами на руку изнутри. А это был прокол артерии. И установлен туннель, по которому вводили зонд. Или как это правильно называется — я уже не помню.

Хирург оказался молодым врачом — лет примерно двадцать пять. Молодой, сосредоточенный, в шапочке, маске, перчатках и в резиновом фартуке серо зеленого цвета. Он подошёл, посмотрел мне в глаза и спокойно, без пафоса, рассказал, что сейчас будет делать. Я слушал и кивал. Я был, как вы уже поняли, в полном сознании. Я видел всё. Я чувствовал всё. И я молился про себя, чтобы эти молодые руки не ошиблись.

Вердикт. Проколота фистула

Ощущение было не из приятных. Сердце покалывало, я чувствовал, как внутри меня что-то движется, хотя больно не было — только странно и тревожно. Я лежал, смотрел в потолок, слушал писк аппаратуры, молился про себя и ждал вердикта. И я его услышал. Хирург — тот самый молодой врач лет двадцати пяти — сказал спокойно, почти буднично: «Всё плохо. Забиты две артерии полностью. Третья — на 75 процентов. Стент я вам поставить не смогу».

Всё. Точка. Ничего не сделать. Мне повязали тугую повязку на запястье и отвезли в реанимационное отделение. Была уже глубокая ночь.

В реанимации было светло как днём. Горели лампы, пищали мониторы, бегали люди. Очень много молодого медперсонала — все они были студентами мединститута, подрабатывали или проходили практику, я тогда не знал. Но чувствовалось: опыта нет, зато энтузиазма хоть отбавляй. Возле меня стоял монитор — тот самый, который вы можете увидеть на обложке этой книги. Я специально выбрал его и немного видоизменил под карандашный стиль. Каждый раз, когда я смотрю на эту обложку, я вспоминаю ту ночь.

Я был очень голодным. Последний приём пищи был около десяти часов утра, а уже полночь. Желудок сводило, во рту пересохло, сил не было, а руки и ноги немели. Я сказал об этом дежурному врачу. Он ответил: «Скоро тебя повезут на гемодиализ, а утром переведут в палату и там накормят». Предложил воды. В шкафчике у меня, я знал, лежали печенье и копчёная колбаса — Ксения положила, на всякий случай. Тогда я ещё не знал, что колбаса, как и сигареты, мне просто противопоказана.

Примерно в три часа ночи меня привезли в диализный зал. Опытная медсестра — женщина лет пятидесяти, с уверенными руками — сделала подключение. Поставила две толстые иглы в мою фистулу, включила аппарат, убедилась, что всё идёт нормально. И уехала. Да-да. Она просто уехала. Оставила меня с дежурным врачом реанимационного отделения и с медсестрой-практиканткой. Именно практикантке была дана задача впоследствии отключить меня от аппарата, вынуть две толстые иглы из моей фистулы и перебинтовать руку.

Я старался не уснуть из всех сил. Я знал, что сплю тревожно, во сне могу шевелить руками. А это очень опасно. Игла при сгибании руки может проткнуть фистулу — и её задуёт. Кровь из одной иглы выходит по магистрали в аппарат «искусственная почка», очищается и на большой скорости возвращается обратно. Если игла выскочит или проколет артерию, кровь попадёт под кожу, рука раздуется, и будет острая боль. Я лежал, смотрел в потолок и боролся со сном. Считал секунды. Смотрел на плачущий монитор. Думал о детях. О Ксении. Лишь бы не уснуть. Лишь бы не дёрнуть рукой.

Я всё-таки уснул. И проснулся от резкой боли. Аппарат запищал — он всегда сигнализирует, если что-то не так. Прибежала медсестра-практикантка. Испугалась. И по незнанию сняла тревогу — просто сбросила сигнал. Запустила аппарат дальше. Снова боль. Аппарат снова пищит. Она во второй раз делает сброс тревоги и продолжает процедуру. Я сквозь боль прошу её: «Ничего не делай. Позови дежурного врача». Она не понимает, что происходит. Я кричу: «Позови врача! Ничего больше не делай!»

Пришёл дежурный врач. Посмотрел на руку, на аппарат, на меня. Молча отключил аппарат. Аккуратно вынул иглы. Перебинтовал руку. Всё. Процедура окончена. Я остался лежать в кресле-кровати возле аппарата диализа до утра. Рядом выключенный аппарат, пустой зал, тишина. И я. Голодный, больной, с перебинтованной рукой, с сердцем, в котором три забитые артерии. Диализ мне в ту ночь сделали не до конца, я не долежал полтора часа.

Утро. И копчёная колбаса на тумбочке

Утро. Примерно шесть или половина седьмого. В помещение, где я лежал после диализа, вошли трое: два врача-мужчины и с ними молодая девушка-врач. Моя лечащий врач. Она подошла, посмотрела результаты коронарографии, обсудила что-то с коллегами, а потом обратилась ко мне. Сказала спокойно, почти по-матерински, но с ноткой горечи в голосе: «Вы такой молодой, а три артерии почти забиты полностью. Стент мы вам поставить не сможем. Вам показана операция — шунтирование. Будем вас готовить к этой операции в федеральном центре. Здесь, в Самаре, мы такие операции диализным пациентам не проводим. Были бы вы не на диализе — мы бы вас тут прооперировали».

Она помолчала. Потом добавила: «Вас сейчас переведут в палату. Я после к вам подойду. А пока старайтесь по минимуму двигаться». И спросила: «Курите?» Я ответил: «Да». Я много раз до этого пытался бросить курить, но не мог. Курил по две пачки в день. И тут она сказала: «Теперь — ни одной сигареты. Никогда». Я кивнул. И знаете что? Я бросил. С того самого момента, как попал в первую реанимацию в Сызрани. И самое главное — меня не тянуло совсем. Совсем. Как отрезало. Наверное, организм понял: или сигареты, или жизнь. Он выбрал жизнь.

Я был на пороге смерти. И тогда ещё не понимал всей степени серьёзности. Не понимал, что такое АКШ — аортокоронарное шунтирование. Не понимал, почему мне нельзя поставить стент. Не понимал, почему таким пациентам, как я, не делают операции в моей области и почему мне нужно будет брать направление в федеральный центр. Я просто лежал и смотрел в никуда.

Меня перевели в палату. Мой сосед уже не спал. В палате, кроме меня и храпящего соседа, был ещё один пациент — мужчина в возрасте, бывший моряк, всю жизнь проработавший на корабле. А тот, который сильно храпел, — охранник, которого тоже возили на коронарографию. Ему поставили один стент. И готовили на выписку. Счастливого и довольного. Он улыбался, звонил жене, говорил: «Всё позади, скоро буду дома». Я смотрел на него и завидовал белой завистью. Ему помогли. А мне сказали: «Мы не можем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.